

Забавы ради / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Забавы ради / рассказ ЗАБАВЫ РАДИ

Был день моего рождения, который никто не заметил. За несколько лет учёбы я так и не влилась в коллектив московских гимназистов, чуть ли не полным составом поступивших на факультет, чему удивляться? Зато сэкономила полторы тысячи рублей. Мне двадцать лет, и я найду с кем выпить за собственное здоровье.

Тепло, осень едва началась. В Москве – дождь, как слёзы оставленного на самого себя ребёнка. Я шла по Большой Никитской к «кольцу», купая в лужах ещё летние туфли. «Кольцо» шумело, гудело. В двадцати минутах ходьбы от него жили мои друзья, которые всегда не прочь составить компанию, если есть, что разлить и чем закусить.

Вот и Анатолий! В светлом пальто, в клетчатом шарфе, на голове – кепи. Всё – французское. Артист! Без гроша в кармане, как обычно. Анатолий легко спускал деньги – и свои, и чужие. У него случались гонорары, но главный источник его доходов – мама. У Анатолия превосходная мама. Она вливала в сына все средства, какие зарабатывала. Он был подстрахован. К тому же Анатолий – контратенор.

Как забыть тот день, когда сломался голос? Две недели Анатолий сипел, хрипел, взвизгивал, басил. В его глотке настраивался оркестр. Мама взяла бессрочный отпуск на период мутации. Вот они у педагога Александра Семёновича, который боготворил Толика, своего любимого ученика, лучшего исполнителя капеллы мальчиков. Волнуясь, Александр Семёнович садиться за пианино. Толик поёт, и его мать и его учитель приходят в совершенный восторг. Толик – редкость. Его ждёт большое будущее.

Анатолий приобрёл в винном магазине две бутылки водки, а на

оставшиеся рубли мы пообедали в кафе. Взяли «шведский стол» и наелись варёной картошки с селёдкой и разносолов. Ещё с собой прихватили квашеной капусты, маринованных огурцов, консервированного лука и свеклы. Я из тарелок перекладывала еду в пакет, а Анатолий прикрывал меня своим могучим телом от официантов. Отобедав, мы двинулись в общежитие Московской государственной Консерватории, проложив свой путь через дворы с тополями. Разросшиеся за лето деревья, в тени листья которых мокли пустые песочницы, казалось, возвращали время на двадцать, тридцать лет назад, и нас с Анатолием охватило чувство сопричастности чему-то давнему, неторопливому, существовавшему только в чьих-то далёких воспоминаниях. Выйдя на Малую Грузинскую, улицу узкую, но активную, мы поскакали по мелким лужам наперегонки, но после того, как в пакете у Анатолия звякнули ударившиеся друг о друга бутылки, прекратили эту дурацкую, инфантильную забаву.

У общежития увидели Дудника в состоянии перехода из одного мира в другой. Его вьющиеся чёрные волосы были уложены гелем, глаза подведены, на скулах лежал румянец. Кожаная куртка обтягивала фирменный дудниковский рельеф. Дудника нетерпеливо ждал «Мерседес». Хлопнула дверь, и баснословно дорогой автомобиль резво унёсся – кот в кошкловке. Беспородную стаю покинул самый перспективный экземпляр.

Вслед за Анатолием я поднялась на последний этаж. Длинный коридор, за каждой дверью пищал, или скулил, или в муках подышал неведомый мне музыкальный инструмент. Кто-то громко пел. Мы зашли в комнату, где ещё пахло Дудником. На затёртых обоях, над кроватью, пребывавшей в страшном беспорядке, булавами была пришпилена его выпускная фотография. Вихри на голове, ожидающий взгляд, нежная смуглая кожа. В кадр попали плечо одноклассника и завитый локон одноклассницы, но по ним, как по плохо заваренной кофейной гуще, невозможно ничего прочесть. «Туфли поставь здесь, пианино не трогать!» – скомандовал Анатолий. Я подчинилась.

На подоконнике – партитуры. На пианино – ваза с

презервативами и колода карт. Холодильник не закрывался: дверцу подпирал стул. На кухонном столе разлагались в полиэтиленовом пакете сливы. В обеих кроватях бардак: комки белья, одежда, носки, сигаретные пачки. «Приберись немного», – бросил мне Анатолий и тут же свалил. Я заправила постели, запихала вещи в шкаф.

Я стояла у окна и размышляла, глядя на мокрые тополиные стволы, существовали ли другие развлечения, равные пьянке по простоте и доступности, когда в комнату вошли Анатолий и Марат. Они промывали кости Дуднику.

– Что, «давалка» ускакала к депутату?

– Почём знаю? На «Мерседесе».

– А всё – звезда, недотрога!

– Завидуешь?

– Депутаты – похотливый скот. Чпокается уже небось твой Серёжка, весь салон обкончал.

– Не надо грязи!

Анатолий рассердился на Марата и больно схватил его за бицепс. Марат заохал, как баба. Я спасла ситуацию – поставила на стол водку.

Распределившись вокруг стола, мы некоторое время молча пили и закусывали. Марат жевал маринованный огурец, словно королевскую креветку, и тянул водку, как мартини. Сидел он, закинув ногу на ногу, и покачивал ступнёй в резиновом тапке. Его пластичное тело никак не могло успокоиться. Марат вертелся, водил плечами, вскидывал брови, шевелил губами, словом, жеманничал. Если бы мы находились не в тесной комнате в общежитии, а в фойе Консерватории, я решила бы, что это – игра на публику. Анатолий объяснял, что Марат – неудавшийся педик и скрытый гомофоб, и что маратовский театр одного актёра – механизм психологической компенсации. После трёх быстро выпитых рюмок я засомневалась, действительно ли Анатолий говорил мне о компенсации, или я сама пришла к такому выводу. Я обратилась к Толику. «Анатолий. Прошу называть меня

Анатолием!»

Закуска подъедена, водка почти прикончена, а веселья не возникло. Анатолий курил. Я от нечего делать стрельнула у него сигарету и тоже задымила. Марат стучал наманикюрным ногтем по фотографии Дудника. Он ткнул Серёже в лоб, и из-под фотографии на покрывало свалился маленький пакетик. В нём лежали круглые таблеточки.

- Ты медик, разберись!
- Парни, это какие-то гормоны.
- Дудник что ли титьки растит?
- Не хер ему больше делать, у него же «очко».
- Марат, вот ты грязная свинья!
- Никогда меня так не называй!
- У самого на мужиков не встаёт.
- Или психотропы...
- У тебя тоже не встаёт на мужиков!
- А мне и не надо, я контратенор. Это вас, теноров, как собак нерезанных.

Марат пересел на другую кровать и дал понять, что серьёзно обиделся. Шансы блистать на оперной сцене у Серёжи Дудника из посёлка Епифани Тульской области были несравненно выше, чем у Марата из Казани. Дудник обрёл влиятельного покровителя, и потому успел выступить в Кремлёвском дворце, в международном Доме музыки, а халтура на закрытых вечеринках приносила ему хороший доход. И Марат однажды рискнул, последовал Серёжиному примеру. Сколько можно – одни студенческие концерты! Он изо всех сил косил под педика, но когда к его бедру впервые прилип чужой горячий член, молодого тенора вырвало прямо на дорогие простыни, и он убежал, едва натянув штаны.

Не долго соображая, Анатолий с Маратом проглотили по таблетке и меня уговорили. Если бы не алкогольное опьянение, залившее однотонной тоской мои, ещё час назад, разноцветные чувства, я бы не стала запихивать в себя неизвестно что. Но так сложились обстоятельства.

Переварив таблетки, мы стали резаться в подкидного дурака. Марат азартно играл, я сражалась смело, Анатолий заметно отставал. Только сдали карты, манерность Марата куда-то испарилась. Теперь он сидел на стуле, широко расставив ноги, и чесал волосатую грудь. «С козыря ходи. Придержи. Возьми», – уверенно советовал Марат Анатолию. «Без тебя знаю!» – возмущался тот и проигрывал партию. Марат тоже проигрывал и злился, а я отпускала шуточки об умственных способностях своих соперников.

Вдруг что-то изменилось. Я услышала, как пахнет глянцевая бумага: сладкий, будто медовый аромат. Пахли мои карты. На картах, пришедших из колоды, ромбы и завитки показались мне невозможно искусными. Я не могла оторвать от них взгляда!

- Гниющие сливы – это Моне. Это красиво. Это декаданс.
- Это мои сливы, Марат!
- Моне – импрессионист, не декадент.
- Если в полиэтиленовом пакете и сгнили – это современное искусство.
- Ладыженский сыграл бы и то, и другое, и третье – и получился бы авангард!
- Ладыженский – гений!

В мой странным образом функционирующий мозг ворвались звуки, производимые сумасшедшей машиной Ладыженского, его камерным оркестром, который будто перемалывал одновременно стеклянные бутылки и школьный металлолом. Я вспомнила, как пришла на концерт современной музыки, а им оказалась какофоническая оргия композитора Ладыженского. Кто-то из виолончелистов тогда практически совокупился с инструментом, а произведение «Кордильеры» оглушило меня так, что некоторое время я воспринимала Анатолия, Марата и Ладыженского как группу беззвучно открывающих рты голов. Головы пребывали в экстатическом состоянии. Когда вернулись шумы окружающей действительности, оказалось, что Ладыженский гнусавил, Анатолий хвастался предстоящими европейскими гастролями, а Марат сплетничал по чём зря об артистах Консерватории. Никто

не обращал на меня внимания, пока я не произнесла громко, как если бы перекрикивала до сих пор играющий оркестр: «Это не музыка, а бестолковая грохотня. Камнедробилка!» Анатолий с Маратом выкатили глаза, а Ладыженский загоготал, как гусь. Я не знала тогда, что он подвизался идеологом половины консерваторской молодой поросли и не следовало подвергать сомнению его композиторские эксперименты. Считалось, Ладыженский приводил и обустроивал в современном искусстве начинающих исполнителей и музыкантов, сумевших войти с ним в контакт, переживших вышвыривание в помойное ведро партитур и обвинения в бездарности. Оркестранты – рабы, певцы – болваны с нещадно эксплуатируемыми голосовыми связками, а Ладыженский – вождь, ведущий экспансию мирового культурного пространства. И он – не гомосексуалист! Может себе позволить. Ладыженский – потомок видного советского композитора. Живёт в многокомнатной квартире в центре Москвы. Папины коллеги, лауреаты государственных премий, дарили ему в детстве плюшевых зайцев и погремушки. Поэтому – авторитаризм и моногамия.

Анатолий отбросил карты. «Мне не хватает любви!» – прорычал он.

Невозможно привыкнуть: Анатолий пел высоким голосом, который так и хотелось обзвать женским, а говорил – низким, грудным. Анатолий ходил в спортзал, имел десятки любовниц и грубоватые манеры. В артистической среде он держался эдаким *enfant terrible*. Чудовищная пошлость, но Анатолия она не тяготила. Преподаватели по вокалу восхищались зверским трудолюбием контратенора. Ещё бы – русского певца Анатолия ждала Европа. Его не беспокоило, что западная опера частенько наряжала контратеноров в женские тряпки, а то и выставляла на сцену в чём мать родила. Раз в сезон Анатолием овладевало желание посетить меховой салон. Стоя перед зеркалом в каракулевом пальто, не в силах справиться с восхищением собой, Анатолий начинал петь. Под тонкими кофтами девочек-продавиц оттопыривались соски. Они готовы были отдать даром любую шубу, какую он выберет! Наивные подневольные труженицы торговли.

Другие женщины – их хозяйки – вскоре будут рукоплескать Анатолию.

И ему не хватало любви? Сомнительно. Ваза с презервативами стабильно пустела и пополнялась. Сейчас Анатолий унёс с собой жменю предохранительных средств и что, он вернёт их обратно?

Марат, подавшись вперёд, пристально глядел на меня.

– Пойду, прогуляюсь.

Я попятилась из комнаты, сбив стул, подпиравший дверцу холодильника. Холодильник крякнул и замолотил. Марат встал и со всей дури прихлопнул дверцу, которая сразу отошла. Прихлопнул ещё раз. И ещё. Он исступлённо сражался со старым сломанным холодильником.

Я выпрыгнула в коридор и пошла. Мне казалось, я шла не меньше часа вдоль одинаковых дверей, пока не догадалась зайти в первую попавшуюся. Я очутилась в посудомоечной. У стены – столы с сушилками, на сушилках – тарелки, чашки. Посуда смотрела на меня! Я отшатнулась и ударилась о край раковины. Из незакрученного крана убегала вода. Я опустила руки в раковину в надежде установить, где же её дно, и нагибалась всё ниже и ниже, но только хватала ладонями пустоту, перегнулась через край и...провалилась!

Я летела в темноте целую вечность. Иногда моё дыхание останавливалось, и повинувшись страху смерти, я отчаянно старалась задышать: моя диафрагма дрожала, оттягивая лёгкие. Вокруг – абсолютная тишина.

И тут – лёгкая мелодия, наигрываемая опытным пианистом. Я поняла, что больше не двигаюсь и лежу. Сердце колотилось. Я перевернулась на бок. У фортепиано, копаясь в партитуре, сидел Ладыженский. «Прилетела?» – поинтересовался он и черкнул галку на нотном стане.

– Не прилетела, а упала.

– Тебя никто не толкал.

– Я споткнулась. Случайно.

– Чего тогда хочешь? Хоть я и композитор, но не всемогущий бог. Партитуры не переписываются.

Я туго соображала. По-моему, Ладыженский должен был находиться в своём рабочем кабинете, никак не в общежитии. Кто-то из нас не на том месте.

– Что вы тут делаете? Где Марат?

– А что Марат, он не блещет. Вот Анатолий... Впрочем, я сочиняю новое произведение. Оно будет называться «Освобождение». Композитор, испытывая гигантскую конкуренцию со временем – за его плечами двадцать веков музыки – отбрасывает ложные представления о свободе личности, толерантности, мультикультурализме и помещает себя в клетку запретов и правил. И это будут правила века двадцать первого, потому что его музыка ещё не создана. Мы, как паразиты, присосались к предыдущим столетиям и не желаем эволюционировать. Тогда мы будем деградировать, не имея границ, не имея того, что придаст нам устойчивую форму. Новая музыка будет иметь принципиально иной скелет: он будет по-другому двигаться, обрастать мускулами. Новая гармоническая дисциплина. Сознательный анабиоз культуры. Музыка в нескольких плоскостях. Тотальный запрет эмоций. Ледяная пустошь разума. Конструкция, конструкция и ещё раз конструкция!

Ладыженский ударил по клавишам, как если бы взял победный аккорд.

– Позвольте, но не вы ли написали «Сумасшедший фаллос»? Более чувственной симфонии сложно отыскать.

– Я был молод. Я метафоризировал реальность самым ограниченным способом из возможных. Фаллос – это власть, деньги, красота, которыми мечтают обладать все – от президента до уборщицы. Заветное оплодотворение. Надеюсь, вы не подумали, что я настолько глуп, чтобы заниматься провокативной порнографией на сцене? Это образ. Никакого секса в моих произведениях нет.

Ладыженский отскочил от фортепиано и опустился на колени перед

кроватью, на которой я лежала. Он ловко нырнул тонкими пальцами мне под юбку и пощекотал. Я завизжала и пнула Ладыженского ногой. Композитор быстро вернулся к инструменту. Развернувшись на табурете, он сыграл нечто удивительно грустное и прекрасное, как потемневшие от нескончаемого дождя тополя за окном.

– Вы знаете, кто написал эту гениальную вещь?

– Нет.

– Рахманинов. Вам следует подняться и уйти.

Я слезла с кровати и покинула загадочную комнату, в которой колдовал над партитурой Ладыженский. Возьмёт ещё – и напишет будущее! Что тогда будем делать?

В коридоре я столкнулась с Анатолием. Он был совершенно голым и шлёпал босыми ногами куда-то по своим делам. Его раскованной походке можно только завидовать: будь я обнажена, я бы пряталась, стеснялась наготы. А Анатолий – нет. Он весь – чудесный младенец, которым мир любит, переворачивает со спинки на живот и обратно, хлопает по попке, целует пупок. Младенец надувает щёчки, издаёт симпатичные звуки. Ничегошеньки-то ему не нужно, кроме игрушек. Их он требует. Без них – скучно, противно, бессмысленно. Подарить новую игрушку – разве так дорого? Разве Толенька не заслужил?

Наконец, нужная дверь.

Открываю её, впуская свет в полутьму. На кровати, упёршись рукой в выпускную фотографию Серёжи Дудника, мастурбировал Марат. Я понадеялась, что процесс вот-вот прервётся, и тихо переступила порог. И действительно, после короткого и какого-то смазанного рывка Марат обмяк, наклонился вперёд и уткнулся лбом в стену. Его плечи вздрагивали. В кулаке он сжимал сорванную со стены фотографию Дудника.

Не понимая, помогаю кому-нибудь или нет, я собрала в мусорный мешок остатки еды, пустую и недопитую бутылку, испортившиеся сливы, окурки, смахнула со стола пепел и крошки, вернула карты на пианино. Придвинула стул к тархтевшему холодильнику. Как

будто бы всё на своих местах. Ни одна проверка не заподозрит, что были грубо нарушены правила проживания в общежитии и порядок приглашения гостей.

Во дворе я выкинула мешок в контейнер с намалёванной на боковине надписью «Консерватория». Начиналось утро. Дождь успокоился. Тополя, разросшиеся за лето, ждали облагораживающей обрезки. Неухоженный тополь доставляет неудобства: легковоспламеняемый пух, сухие, падающие на случайных прохожих ветки, порванные провода. В конце концов, глядя на тополь, хочется получать эстетическое наслаждение. А если он кое-как раскорячился и скрипит?

Если следовать общей морали, время нас обязательно подправит, как городские озеленители – тополя во дворах Малой Грузинской. Анатолий научится любить кого-нибудь, кроме себя. Марат перестанет посягать на большую сцену и удовлетворится районным домом культуры. Серёжа Дудник после нескольких курсов психотерапии сумеет закрыть все гештальты. Я нарожаю детей. Захотелось упасть, как непослушное дерево.

Одна надежда на Ладыженского. Ему единственному под силу создать партитуру принципиально иную, где каждая нота стоит не в том месте, которое ей предназначалось. Он спустит здоровье и умрёт на своей композиторской работе, но оставит после себя то, что невозможно переписать, только уничтожить.

До тех пор – никаких трагедий! Ничего, что бы отличалось от обыкновенного технического брака.

У метро я выдула банку энерготоника – с вечера осталась мелочёвка в кармане – и взбодрённая поехала на учёбу, совершенно позабыв, что вчера был день моего рождения.

Об авторе: АЛИНА ПУЛКОВА

Родилась в Холмогорском районе Архангельской области. Окончила Московскую медицинскую академию им. Сеченова. Рассказы

публиковались в сборнике «Москва и Петербург – как мы их не знаем» и журнале «Дружба народов». Живет в Кронштадте. Участник семинара прозы Совещания молодых писателей СПМ.
Некаýalar